

Владимир Фёдорович Одоевский

Игоша

Владимир Одоевский

Игоша

«Public Domain»

1833

Одоевский В. Ф.

Игоша / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1833

Игоша - проказливое невидимое существо, с которым в детстве довелось повстречаться герою.

© Одоевский В. Ф., 1833

© Public Domain, 1833

Владимир Федорович Одоевский

Игоша

(Алек. Степ. Хомякову)

Я сидел с нянюшкой в детской; на полу разостлан был ковер, на ковре игрушки, а между игрушками – я; вдруг дверь отворилась, а никто не вошел. Я посмотрел, подождал – все нет никого.

– Нянюшка! нянюшка! Кто дверь отворил?

– Безрукий, безногий дверь отворил, дитяtko! Вот безрукий, безногий и запал мне на мысль.

– Что за безрукий, безногий такой, нянюшка?

– Ну, да так – известно, что, – отвечала нянюшка, безрукий, безногий.

Мало мне было нянюшкиных слов, и я, бывало, как дверь ли, окисли отворится – тотчас забегу посмотреть: не тут ли безрукий – и, как он ни увертлив, верно бы мне попался, если бы в то время батюшка не возвратился из города и не привез с собою новых игрушек, которые заставили меня на время позабыть о безруком.

Радость! веселье! прыгаю! люблюсь игрушками! А нянюшка ставит да ставит рядом их на столе, покрытом салфеткою, приговаривая: "Не ломай, не разбей, помаленьку играй, дитяtko". Между тем зазвонили к обеду.

Я прибежал в столовую, когда батюшка рассказывал, отчего он так долго не возвращался. "Все постромки лопались, – говорил он, – а не постромки, так кучер то и дело что кнут свой теряет; а не то пристяжная ногу зашибет, беда, да и только! Хоть стань на дороге; уж в самом деле я подумал: не от Игоши ли?"

– От какого Игоши? – спросила его маменька.

– Да вот послушай, – на завтрак я остановился лошадей покормить; прозяб я и вошел в избу погреться; в избе за столом сидят трое извозчиков, а на столе лежат четыре ложки; вот они хлеб ли режут, лишний ломоть к ложке положат; пирога ли попросят, лишний кусок отрушат.

– Кому это вы, верно, товарищу оставляете, добрые молодцы? – спросил я.

– Товарищу не товарищу, – отвечали они, – а такому молодцу, который обид не любит.

– Да кто же он такой? – спросил я.

– Да Игоша, барин. Что за Игоша, вот я их и ну допрашивать.

– А вот послушайте, барин, – отвечал мне один из них, – летом у земляка-то родился сынок, такой хворенький, Бог с ним, без ручек, без ножек, – в чем душа; не успели за попом сходить, как он и дух испустил; до обеда не дожил. Вот, делать нечего, поплакали, погоревали, да и предали младенца земле. – Только с той поры все у нас стало не попржнему... Впрочем, Игоша, барин, малый добрый: наших лошадей бережет, гривы им заплетает, к попу под благословенье подходит; но если же ему лишней ложки за столом не положишь или поп лишнего благословенья при отпуске в церкви не даст, то Игоша и пойдет кутить: то у попадьи квашню опрокинет или из горшка горох выбросает; а у нас или у лошадей подкову сломает, или у колокольчика язык вырвет – мало ли что бывает.

– И! да я вижу, Игоша-то проказник у вас, – сказал я, – отдайте-ка его мне, и если он хорошо мне послужит, то у меня ему славное житье будет; я ему, пожалуй, и харчевые назначу.

Между тем лошади отдохнули, я отогрелся, сел в сани, покатился: не отъехали версты – шлея соскочила, потом постромки оборвались, а наконец оглобля пополам – целых два часа понапрасну потеряли. В самом деле подумаешь, что Игоша ко мне привязался.

Так говорил батюшка; я не пропустил ни одного слова. В раздумье пошел я в свою комнату, сел на полу, но игрушки меня не занимали – у меня в голове все вертелся Игоша да

Игоша. Вот я смотрю – няня на ту минуту вышла – вдруг дверь отворилась; я по своему обыкновению хотел было вскочить, но невольно присел, когда увидел, что ко мне в комнату вошел, припрыгивая, маленький человечек в крестьянской рубашке, подстриженный в кружок; глаза у него горели, как угольки, и голова на шейке у него беспрестанно вертелась; с самого первого взгляда я заметил в нем что-то странное, посмотрел на него пристальнее и увидел, что у бедняжки не было ни рук, ни ног, а прыгал он всем туловищем. Как мне его жалко стало! Смотрю, маленький человечек – прямо к столу, где у меня стояли рядом игрушки, вцепился зубами в салфетку и потянул ее, как собачонка; посыпались мои игрушки: фарфоровая моська вдребезги, барабан у барабанщика выскочил, у колясочки слетели колеса – я взвыл и закричал благим матом: "Что за негодный мальчишка! зачем ты сронил мои игрушки, эдакой злыден! да что еще мне от нянюшки достанется! Говори, зачем ты сронил игрушки?"

– А вот зачем, – отвечал он тоненьким голоском, затем, – прибавил он густым басом, – что твой батюшка всему дому валежки сшил, а мне, маленькому, – заговорил он снова тоненьким голоском, – ни одного не сшил, а теперь мне, маленькому, холодно, на дворе мороз, гололедица, пальцы костенеют.

– Ах, жалкий, – сказал я сначала, но потом, одумавшись, – да какие пальцы, негодный, да у тебя и рукто нет, на что тебе валежки?

– А вот на что, – сказал он басом, – что ты вот видишь, твои игрушки в дребезгах, так ты и скажи батюшке: "Батюшка, батюшка, Игоша игрушки ломает, валежек просит, купи ему валежки", – а ты возьми да и брось их ко мне в окошко.

Игоша не успел окончить, как нянюшка вошла ко мне в комнату, Игоша не прост молодец, разом лыжи наострил, а нянюшка – на меня: "Ах ты, проказник, сударь! зачем изволил игрушки сронить? Нельзя тебя одного ни на минуту оставить. Вот уж тебя маменька..."

– Нянюшка! Не я уронил игрушки, право, не я, это Игоша...

– Какой Игоша, сударь?.. еще изволишь выдумывать!

– Безрукий, безногий, нянюшка. На крик прибежал батюшка, я ему рассказал все, как было, он расхохотался.

– Изволь, дам тебе валежки, отдай их Игоше. Так я и сделал. Едва я остался один, как Игоша явился ко мне, только уже не в рубашке, а в полушубке.

– Добрый ты мальчик, – сказал он мне тоненьким голоском, – спасибо за валежки; посмотри-ка, я из них себе какой полушубок сшил, вишь, какой славный!

И Игоша стал повертываться со стороны на сторону и опять к столу, на котором нянюшка поставила свой заветный чайник, очки, чашку без ручки и два кусочка сахара – и опять за салфетку, и опять ну тянуть.

– Игоша! Игоша! – закричал я, – погоди, не роняй – хорошо мне один раз прошло, а в другой не поверят; скажи лучше, что тебе надобно?

– А вот что, – сказал он густым басом, – я твоему батюшке верой и правдой служу, не хуже других слуг ничего не делаю, а им всем батюшка к празднику сапоги пошил, а мне, маленькому, – прибавил он тоненьким голоском, – и сапожишков нет, на дворе днем мокро, ночью морозно, ноги ознобишь... – и с этими словами Игоша потянул за салфетку, и полетели на пол и заветный нянюшкин чайник, и очки выскочили из очешника, и чашка без ручки расшиблась, и кусочек сахарна укатился...

Вошла нянюшка, опять меня журит: я на Игошу, она на меня.

– Батюшка, безногий сапогов просит, – закричал я, когда вошел батюшка.

– Нет, шалун, – сказал батюшка, – раз тебе прошло, в другой раз не пройдет; эдак ты у меня всю посуду перебьешь; полно про Игошу-то толковать, становись-ка в угол.

– Не бось, не бось, – шептал мне кто-то на ухо, – я уже тебя не выдам.

В слезах я побрел к углу. Смотрю: там стоит Игоша, только батюшка отвернется, а он меня головой толк да толк в спину, и я очутюсь на ковре с игрушками посередине комнаты; батюшка увидит, я опять в угол; отворотится, а Игоша снова меня толкнет.

Батюшка рассердился. "Так ты еще не слушаться? – сказал он, – сей час в угол и ни с места".

– Батюшка, это не я... это Игоша толкается.

– Что ты вздор мелешь, негодяй; стой тихо, а не то на целый день привяжу тебя к стул.

Рад бы я был стоять, но Игоша не давал мне покоя: то ущипнет меня, то оттолкнет, то сделает мне смешную рожу – я захохочу; Игоша для батюшки был невидим – и батюшка пуще рассердился.

– Постой, – сказал он, – увидим, как тебя Игоша будет отталкивать, – и с сими словами привязал мне руки к стулу.

А Игоша не дремлет: он ко мне – и ну зубами тянуть узлы; только батюшка отворотится, он петлю и вытянет; не прошло двух минут – и я снова очутился на ковре между игрушек, посередине комнаты.

Плохо бы мне было, если б тогда не наступил уже вечер; за непослушание меня уложили в постель ранее обыкновенного, накрыли одеялом и велели спать, обещая, что завтра, сверх того, меня запрут одного в пустую комнату.

Ночью, едва нянюшка загнула в свинец свои пукли, надела коленкоровый чепчик, белую канифасную кофту, пригладила виски свечным огарком, покурила ладаном и захрапела, я прыг с постели, схватил нянюшкины ботинки и махнул их за форточку, приговаривая вполголоса: "Вот тебе, Игоша".

– Спасибо! – отвечал мне со двора тоненький голосок.

Разумеется, что ботинок назавтра не нашли, и нянюшка не могла надивиться, куда они девались.

Между тем батюшка не забыл обещания и посадил меня в пустую комнату, такую пустую, что в ней не было ни стола, ни стула, ни даже скамейки.

– Посмотрим, – сказал батюшка, – что здесь разобьет Игоша! Нет, брат, я вижу, что ты не по летам вырос на шалости... пора за ученье. Теперь сиди здесь, а чрез час за азбуку, – и с этими словами батюшка запер двери. Несколько минут я был в совершенной тишине и прислушивался к тому странному звуку, который слышится в ухе, когда совершенно тихо в пустой комнате. Мне приходил на мысль и Игоша. Что-то он делает с нянюшкиными ботинками? Верно, скачет по гладкому снегу и взрывает хлопья.

Как вдруг форточка хлопнула, разбилась, зазвенела, и Игоша, с ботинкой на голове, запрыгал у меня по комнате. "Спасибо! Спасибо! – закричал он пискляво. – Вот какую я себе славную шапку сшил!"

– Ах, Игоша! не стыдно тебе? Я тебе и полушубок достал, и ботинки тебе выбросил из окошка, – а ты меня только в беды вводишь!

– Ах, ты неблагодарный, – закричал Игоша густым басом, – я ли тебе не служу, – прибавил он тоненьким голоском, я тебе и игрушки ломаю, и нянюшкины чайники бью, и в угол не пускаю, и веревки развязываю; а когда уже ничего не осталось, так рамы бью; да к тому ж служу тебе и батюшке из чести, обещанных харчевых не получаю, а ты еще на меня жалуешься. Правда у нас говорится, что люди – самое неблагодарное творение! Прощай же, брат, если так, не поминай меня лихом. К твоему батюшке приехал из города немец, доктор, который надумил твоего батюшку тебя за азбуку посадить, да все меня к себе напрашивается, попробую ему послужить; я уж и так ему стклянки перебил, а вот к вечеру после ужина и парик под бильярд закину – посмотрим, не будет ли он тебя благодарнее...

С сими словами исчез мой Игоша, и мне жаль его стало.

С тех пор Игоша мне более не являлся. Мало-помалу ученье, служба, житейские проишествия отдалили от меня даже воспоминание о том полусонном состоянии моей младенческой души, где игра воображения так чудно сливалась с действительностью; этот психологический процесс сделался для меня недоступным; те условия, при которых он совершался, уничтожились рассудком; но иногда, в минуту пробуждения, когда душа возвращается из какого иного мира, в котором она жила и действовала по законам, нам здесь неизвестным, и еще не успела забыть о них, в эти минуты странное существо, являвшееся мне в младенчестве, возобновляется в моей памяти, и его явление кажется мне понятным и естественным.